

1564

Опричнина против земщины

В воскресенье 3 декабря 1564 г. Москва застыла в недоумении. Царь по обычаю уезжал в Коломенское праздновать Николин день. Но на сей раз царский «подъем» был совершенно необычен. Царь забирал с собою не только «святость» — иконы и церковную утварь, но и всю свою казну, и даже объемистую «либерею» (библиотеку). Избранные бояре, ближние дворяне и приказные получили распоряжение следовать за государем с женами и детьми. Сопровождать гигантский царский поезд из двух сотен подвод должна была отборная дворянская конница «со всем служебным нарядом». Ясно было, что «богомолье» предстоит из ряда вон выходящее. Царь что-то затевал, но даже маршрут поездки держался в сугубой тайне.

Объяснение появилось ровно через месяц. 3 января 1565 г. из Александровой слободы, где обосновался государь, пришло его послание митрополиту Афанасию, немедленно оглашенное на импровизированном земском соборе. Свой отъезд царь объяснял «гневом» на «государевых богомольцев» — церковных иерархов, а также бояр, детей боярских и всех приказных людей. Царь подробно «исчислял» «измены боярские и воеводские и всяких приказных людей». Бояре и воеводы, если верить царю, растаскивали казну и присваивали государевы земли, а оборонять страну от крымских татар, Литвы и «немец» вовсе не желали. Вина церковных иерархов состояла в том, что они заступались за тех неугодных царю слуг, которых он хотел «показать». В завершение послания царь объявлял, что, «не хотя их многих изменных дел терпеть, оставил свое государство» и поехал поселиться, где «его, государя, Бог наставит». Одновременно в особой грамоте торгово-ремесленному люду столицы Иван IV писал, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет».

В совокупности послания Ивана составляли очевидный единый ультиматум. Городская чернь натравливалась на верхи общества и после оглашения царского послания выразила полную готовность

собственноручно царских «изменников» истребить. Условия ультиматума были немедленно приняты. В тот же день митрополит Афанасий послал в Слободу депутацию с соборным приговором, предлагающим царю править страной «как ему, государю, годно».

5 января царь принял в Слободу московскую депутацию, сообщил ей о милостивом согласии вернуться к управлению государством, но на особых условиях, а именно, «учинить ему на своем государстве себе опричнину». «Опричное» — особое, личное царское — войско послужило инструментом установления неограниченного самовластия. Путь построения сословно-представительной монархии, начатый реформами предшествующего десятилетия, был отвергнут.

Земское строение

21 июня 1547 г. в Москве случился страшный пожар, какого прежде не бывало. Загорелось на Арбате в церкви Вознесения, при сильном ветре занялся весь западный посад до Москвы-реки, потом огонь перекинулся на Кремль и Китай-город, а там и на большой посад вдоль Покровки. Унять огонь не было никакой возможности. Выгорело пол-Москвы, погибших насчитали более полутора тысяч. В Кремле задыхались от дыма. Царю ничего не оставалось как бежать в село Воробьево.

26 июня в Кремле на площади у Успенского собора бояре опрашивали рядовых горожан — «черных людей» — о причинах несчастья. В толпе поднялся крик, что город подожгли Глинские. Будто бы княгиня Анна Глинская «со своими детьми волховала, вынимала сердца человеческие, да клала в воду, да тою водою, езда по Москве, кропила, оттого Москва и выгорела». Среди бояр, наряженных вести следствие, стоял на площади и князь Юрий Глинский. Почувяв недоброе, он бросился спастись в собор, толпа кинулась за ним, выволокла из собора и побила камнями на площади. Труп его бросили вне Кремля на торжище, где казнили преступников. Народ начал громить дворы Глинских, перебил их слуг, а заодно досталось и многим государевым дворянам, некоторые из них, впрочем, сами участвовали в погроме. На третий день толпа, собранная городским палачом, пришла в царскую загородную резиденцию. Ближним боярам с трудом удалось успокоить ее, убедив, что Глинских в Воробьево нет. Через день мятеж в городе улегся.

Никаких требований, никакой программы, кроме истребления Глинских, бунтовщики не выдвигали, отчего современные историки-социологи называют июньское восстание в Москве «примитивным бунтом». Но примитивный бунт не был бессмысленным. Пало правительство Глинских, а с ним вместе окончилась эпоха «боярского правления». В годы малолетства Ивана IV, особенно после кончины в 1538 г. матери царя Елены Глинской, реальная власть неоднократно переходила от одного боярского клана к другому: в 1539-м Вельские свергли Шуйских, в 1542-м Шуйские — Вельских, в 1544-м близ царя утвердились Глинские. Временщики стремились не упустить момент и извлечь для себя как можно больше выгод, «растаскивали» казну, обзаводились вотчинами... Вовлекая великого князя в свои склоки, фавориты Ивана баловали, потакали всем его капризам, и он стал предаваться диким и неистовым «потехам». В 12 лет он развлекался, сбрасывая с колоколен кошек и собак, с четырнадцати — начал «человеков ураняти».

Самовластное хозяйничанье соперничающих боярских кланов больно отражалось на рядовых обывателях. Вся система государственной администрации, созданная в правление Ивана III и Василия III, опиралась на местнический принцип организации служилого сословия. Службное старшинство боярина определялось его «местом» в собственном роде и «местом» его рода среди других родов. Дети, племянники и внуки одного боярина должны были находиться на службе в таком взаимоотношении с потомками другого, в котором когда-то служили их предки. «Отечская честь» зависела от происхождения, но ее необходимо было поддерживать службой. Поэтому бегство с поля боя или отъезд в Литву одного представителя семьи могли привести весь род к царской опале и «закошению» — т. е. род оказывался на задворках местнической иерархии. Честь рода определялась прецедентами, поэтому нельзя было пропустить «невместное» назначение, от этого была «поруха» всему роду. Нередко бывали случаи, когда назначенный в поход боярин отказывался выступать под командой менее «честного» воеводы. Верховным судьей в местнических спорах был сам государь, который до известных пределов мог «высить» род своим благоволением. Когда наверху властной пирамиды оказывался слабый, малолетний великий князь, административная система начинала давать сбой. К 1547 г. административная и военная организация страны в результате олигархических склок была сильно расшатана.

Власть не могла даже обеспечить надежной защиты от набегов своевольных татарских мурз. По сообщению иностранного путешественника, в одном только 1551 г. в Казани продавалось на невольничьем рынке до 100 тыс. пленников из Московии (все население страны, по расчетам демографов, не превышало тогда 6 млн человек). Московский бунт, а подобные мятежи происходили и в других городах, ясно показал, что требовалось немедленное и энергичное «устроение» Московского государства.

В понятиях того времени настроения, царившие в Москве после июньского пожара и бунта, описывались как всеобщее «покаяние». Необходимо иметь в виду, что покаяние означало не только христианское таинство, но и отказ от прежней, дурной, греховной жизни и сознательный переход к лучшей, праведной. В этом смысле следует понимать сообщение «Степенной книги» о том, что сам «благочестивый царь» и «вельможи его до простых людей все сокрушенным сердцем..., греховные дела возненавидев», «умилились и на покаяние уклонились».

В правительственной среде нашлись люди, которые давно замыслили реформы. В 1548 г. к власти приходит неформальный кружок администраторов, во главе с Алексеем Федоровичем Адашевым, который иногда историки называют «избранной радой». Название это неудачно во многих отношениях. Оно впервые было пущено в оборот князем Андреем Курбским в «Истории о великом князе московском», сочиненной после многих лет жизни беглого воеводы в Польше, где он усвоил многие польско-литовские политические термины. Разумеется, на Москве не пользовались словом «рада», и само понятие, определяющее политический институт польско-литовского государства, едва ли в данном случае применимо. Кружок реформаторов был сугубо неформальным и не составлял правительства, облеченного ясно очерченными полномочиями. Правильнее говорить, видимо, о фактическом правительстве, душой которого был Алексей Адашев при формальном «председании» царя. Помимо Адашева, в этот ближний круг входили священник кремлевского Благовещенского собора Сильвестр, посольский дьяк Иван Висковатов, бояре Захарьины-Юрьевы. Вопреки распространенному заблуждению, Андрей Курбский не входил в этот правительственный кружок, «воинский чин» в нем представляли бояре Иван Шереметев и Михаил Воротынский.

Правительство должно было разрешить несколько важнейших проблем и прежде всего упорядочить военное дело и финансы. Указами 1549—1550 гг. было ограничено ведение местнических споров, причем служебное начало при назначении на должности было поставлено выше родового. Местничать воеводам в военное время было запрещено. В 1556 г. был введен в действие детально разработанный Устав о службе, выровнявший тяготы всех «воинников» — один конный воин в полном снаряжении должен был выставляться с каждых 100 четвертей пахотной земли, состоящей в поместном или вотчинном владении. Упорядочено и унифицировано было налогообложение. Единицей обложения стала «соха», включавшая 800 четвертей поместной, 600 — церковной или 400 — крестьянской земли.

Однако важнейшую и наиболее болезненную часть реформ составляло упорядочение государственного управления и суда. Реформаторы рассчитывали укрепить правопорядок, предоставив всем сословиям возможность соучаствовать в выработке и реализации властных решений. В 1549 г. было введено первое важное новшество — состоялся «собор примирения», на заседаниях которого, помимо Боярской думы и церковного «чиноначалия», присутствовали воеводы и дети боярские. Московские великие князья и прежде устраивали подобные расширенные совещания, но они обсуждали исключительно военные проблемы. На соборе 1549 г. 18-летний царь публично заявил о необходимости радикальных перемен в государственном устройстве, и собор приговорил разработать новый свод законов — Судебник. Казенный приказ, во главе которого стоял Адашев, энергично принялся за дело, и в 1550 г. новый свод законов был утвержден Боярской думой, а некоторые его положения через год обсуждались и утверждались собором.

Новый Судебник существенно ограничивал произвол назначаемых царем наместников-кормленщиков, отныне вершить суд (а надо заметить, что в те времена слово «суд» означало и административную деятельность) они должны были при обязательном участии земских выборных. Адашевское правительство завершило начатую еще при Елене Глинской губную реформу. В новых административных округах (губа, как правило, включала два-три уезда), созданных в центральной части страны — «Замосковном» крае, — местное управление и полицейские функции передавались выборным «губным старостам» из «детей боярских», то есть служилых людей, будущих дворян. В

1552 г. в тех уездах, где губные институты не могли быть сформированы за малочисленностью служилых людей, главным образом на севере страны, начинается проведение земской реформы, в ходе которой наместники заменялись земскими старостами и «излюбленными головами» из посадских людей и черносошных крестьян. Земские старосты, опираясь на нижестоящих выборных сотских и десятских, проводили разверстку и сбор налогов, вели следствие и суд. Выборность и сменяемость этих новых «чиноначальных» людей ставили государственную власть под контроль подданных, приобретавших черты граждан. Выборность местных властей сокращала масштабы злоупотреблений и произвола, в частности, выборные должны были наблюдать, чтобы судьи не брали «посулы» — взятки от тяжущихся сторон. Центральная власть поступалась частью своих прерогатив в пользу «лучших людей» на местах.

Проведение земской реформы было связано с необходимостью обеспечения единства законодательства, вступавшего в противоречие с существовавшей системой исключительных иммунитетных прав светских и духовных «сильных людей», освобождавших их от подчинения общим нормам закона. Особыми — «тарханскими» — грамотами предоставлялись освобождение от повинностей и право неподсудности никакому суду, кроме великокняжеского. Судебник решительно положил конец этой практике. Статья 47 гласила: «...Тарханских вперед никому не давать, а старые тарханские грамоты поимати у всех».

Местный суд становился образцом отношений государственной власти с выборными от сословий. Логическим завершением этой конструкции было бы создание представительного учреждения от «всей земли» также и при верховной власти. И в этом направлении даже были сделаны первые шаги. Помимо «собора примирения», мы знаем о созыве в эпоху адашевского правительства в 1551 г. собора, получившего по числу глав в соборном «уложении» название Стоглава, однако труды этого собора главным образом относились к упорядочению церковной жизни и, соответственно, состав его был ограничен преимущественно церковными людьми.

Создание системы сословного представительства в эпоху Адашева не было завершено: созыв соборов производился нерегулярно, не существовало правил о выборах депутатов, не был определен круг вопросов, подлежащих соборному рассмотрению. Тем не менее не подле-

жит сомнению, что установление «праведного» суда под контролем выборных — «излюбленных» — людей было шагом к созданию словесно-представительной государственной системы, из которой в дальней перспективе могли вырасти парламентская монархия и демократия современного европейского типа. Современники эту связь сознавали вполне отчетливо. Андрей Курбский в своей истории грозненского царствования писал, что Адашев был «общей вещи зело полезен». «Общая вещь», или «общее дело», — в данном случае дословный перевод латинского понятия «*res publica*». Ростки понимания государственной работы как общего дела монарха и подданных, работы «всей земли», пробившиеся в реформах 1550-х гг., бесспорно, открывали для Руси правовую перспективу.

Для создания полноценного парламента на Руси недоставало сословий в европейском смысле слова — то есть наследственных корпораций, обладающих обязанностями и правами, закрепленными законом и обычаями. А проведение губной и земской реформы как раз и было крупным шагом к оформлению таких сословий. Это ясно чувствовали наиболее заинтересованные в таком ходе дела городские торгово-промышленные круги. «Пискаревский летописец» (одна из немногочисленных летописей, вышедшая не из великокняжеских канцелярий), составленный в начале XVII в. в Нижнем Новгороде, сообщал о времени правления Адашева: «...В те поры русская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе... Да в ту же пору был поп Сильвестр и правил Русскую землю с ним за один и сидели вместе в избе у Благовещения, где ныне полое место между палат». Пустое — полое — место действительно вскоре образовалось не только на месте палат, где заседал Адашев с товарищами, но и на месте сословного представительства. И было это полое место результатом резкой смены политического курса.

Историки-педанты продолжают спорить, было ли создание словесно-представительной системы сознательной целью Адашева и его товарищей, но что таков неизбежный объективный результат их деятельности — было вполне очевидно современникам. И прежде всего тому влиятельнейшему современнику, которому одному было по силам разрушить эти планы и повернуть ход событий в иное русло.

Августейшая публицистика

Иван ГУ быстро почувствовал опасность, угрожающую полноте царской власти. В 1560 г. все члены кружка были преданы опале. Формальным поводом послужило несогласие Адашева с продолжением бесперспективной Ливонской войны, но по существу царь не скрывал, что удалены его прежние советники за покушение на самодержавие. В посланиях Андрею Курбскому Грозный формулирует это совершенно недвусмысленно: главная вина опальных советников в том, что «восхваляли» и стремились ввести такой порядок, когда «рабы властвуют помимо государя».

Будучи блестяще образованным человеком и талантливым писателем, Грозный в многочисленных «широковещательных» посланиях выстроил весьма стройное обоснование необходимости неограниченной самодержавной власти. Сама природа человека такова, что грешные люди неспособны к добру без принуждения, и потому подданным надлежит находиться в полной «государской воле», а где они «государской воли над собой не имеют, тут как пьяные шатаются и никакого добра не мыслят».

Корень зла всякого «народоправства» в том, что «там особо каждый о своем печется». Неизбежные при этом смуты и раздоры способна прекратить только неограниченная царская власть, но «если царю не повинуются подданные, они никогда не оставят междоусобных браней».

Самодержец руководствуется непосредственно провидением, человеческие советы могут лишь замутить ясность божественного откровения: «Мы же уповаем на милость божию... — писал Грозный, — и от человек учения не требуем».

Посему образцы народоправства, доступные тогда непосредственному наблюдению подданных московского государя, подлежат решительному осмеянию и принижению. Особенно достается от Грозного выбираемым шляхтой польским королям, положение которых хуже «худейших рабов». Не должен быть властитель и «старостой в волости», каков, по мнению Грозного, шведский король, которого извиняет только то, что он «мужичий род, а не государственной».

Наиболее отчетливо неприятие парламентских ограничений монаршей власти Грозный формулирует в письме английской королеве Елизавете, отказавшей ему в прямом ответе на запрос, поскольку от-

вет зависел от решения парламента: «Мы надеялись, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государственной чести и выгодах для государства... Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей торговой прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как простая девица».

Ни бояре, ни торговые мужики царю не указ. Более того, не должна ограничивать его власти и церковь. Грозный подбирает из Священного Писания множество выразительных примеров для доказательства пагубности церковного вмешательства в дела светской власти.

История Руси весьма вольно трактуется царем, дабы доказать, что «наши великие государи, от Августа кесаря обладающего всею вселенною, и брата его Пруса и даже до великого государя Рюрика и от Рюрика до нынешнего государя... все государи самодержцы, и никто же им не может указу учинить и вольны добрых жаловать, а лихих казнить». Тогдашние «интеллигенты» — московские книжники, сочинившие в 20-е гг. XVI столетия «Сказание о князьях владимирских», откуда позаимствовал Грозный эту мифическую родословную, пеклись прежде всего о вящей славе и величии родной державы. Оказалось — от державности всего шаг до самодержавия.

Дело оставалось за малым. Царю, взыскующему «самодержства», недоставало реальных рычагов власти. Обычай и новые установления эпохи адашевских реформ препятствовали воплощению идеала. Но вскоре способ нашелся.

Опричный погром

Указ об опричнине был издан на следующий день после возвращения царя в Москву из Александровской слободы — 3 февраля 1565 г. Содержание не дошедшего до нас указа в передаче летописи сводилось к двум основным пунктам. Во-первых, царь получал возможность сформировать «особный двор» с особыми боярами, дворецкими, казначеями, дьяками, всякими приказными и дворовыми людьми, с целым придворным штатом. Из служилых людей он отобрал в опричнину тысячу человек, которым в столице были отведены отдельные улицы (Пречистенка, Арбат и левая по ходу от Кремля сторона Никитской) с несколькими слободами до Новодевичьего монастыря.

Начался «перебор людишек» — не зачисленные на опричную службу прежние обыватели этих улиц и слобод были выселены из своих домов в другие части посада. Для содержания этого двора, «на свой обиход» царь отобрал в опричину около 20 городов с уездами и несколько отдельных волостей, в которых земли розданы были опричникам, а прежние землевладельцы выведены были из своих вотчин и поместий и получили земли в неопричных уездах. Опричная область не составляла сплошной территории, в нее вошли волости, расположенные на разных концах Московского государства, и даже отдельные части городов (как, например, позже была взята в опричину Торговая сторона Новгорода). Остальная страна получила наименование земщины. Все центральные учреждения, оставшиеся в земщине, приказы, должны были действовать по-прежнему, «управу чинить по старине», под руководством земской Боярской думы, которая должна была о важнейших делах докладывать государю.

Второй пункт указа вводил в стране новый правовой режим: за царем признавалось полное право по произволу казнить и миловать «лиходеев» и «изменников» («и в тех ведает бог да он, государь, и в животе и в казни его государьская воля...»). Таким образом высшая власть получала право бессудной казни. До тех пор обычай не позволял великому князю лишать кого-либо чести, жизни или имущества, «не осудя праведным судом с бояры своими». В силу этого пункта уже в ближайшие недели были казнены и отправлены в ссылку несколько видных бояр.

Во всей истории России нет эпизода (кроме, может быть, петровских реформ или ленинской революции), который вызывал бы между историками столько ожесточенных споров, как опричина. Историки XIX в., начиная с основателя отечественной исторической науки Николая Михайловича Карамзина, видели в ней лишь «бессмысленную тиранию», следствие «ужасной перемены в душе царя» после смерти любимой жены Анастасии. В.О. Ключевский говорил о введении опричины: «Если все это не простое сумасбродство, то очень похоже на политический маскарад, где всем государственным силам нарочно даны несвойственные им роли и поддельные физиономии», а сама опричина имела характер орудия, направленного исключительно «против лиц, а не против порядка» и в этом качестве не имела «политического смысла». В конце века С.Ф. Платонов попытался найти в опричной политике социальный смысл: он выдвинул гипотезу, будто

бы опричнина была орудием борьбы центральной власти с «потомками владетельных князей» и «подвергла систематической ломке вотчинное землевладение служилых княжат вообще, на всем его пространстве», а целью Грозного было «ослабление родовой аристократии». Гипотеза Платонова была без доказательств принята советской исторической литературой в качестве полновесной теории. Бодрое и единодушное это усвоение произошло по вненаучным причинам. Понимание опричнины как механизма смены старого боярства новым дворянством в качестве опоры власти позволяло представить террористический режим опричнины достигающим исторически «прогрессивных» целей, ибо в такой смене и заключался, с точки зрения марксистов, прогресс. С.В. Бахрушин, например, писал в 1947 г., что «опричнина, несмотря на ряд темных сторон, достигла больших и положительных результатов в деле государственной централизации. Опричнина была, несомненно, прогрессивным явлением, поскольку она помогла ликвидировать остатки феодальной раздробленности и расчистила путь к созданию в будущем абсолютистского государства, которое в данных исторических условиях было необходимо для развития экономической и политической мощи русского народа». А куда же было деваться Сергею Бахрушину (бывшему члену кадетской партии, о чем ему напоминали на экзаменах советские студенты), если сам «корифей всех наук» Иосиф Сталин даже однажды побранил Сергея Эйзенштейна за то, что в его «Иване Грозном» «прогрессивное войско опричников изображено как банда разбойников и мародеров», добавив, что единственная ошибка Ивана Грозного состояла в том, что он «не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами».

Как только сталинский режим рухнул, зашаталась и «прогрессивная» схема — были опубликованы работы С.Б. Веселовского, показавшего, что в годы опричных гонений боярство пострадало не больше других сословий. Позднее В.Б. Кобрин окончательно развеял легенду о мнимой «демократичности» опричнины, показав, что опричное воинство формировалось из тех же социальных слоев, из которых и ранее составлялся государев двор.

Р.Г. Скрынников, проанализировав состав опричных жертв, пришел к выводу, что более всего пострадали старомосковское боярство, приказная бюрократия и руководство церкви, а «с политической точки зрения террор против указанных группировок был полной бес-

смыслицей». Дело заходило в тупик. Сталинская ясность оставалась только на страницах школьных учебников.

Между тем никакой загадки в опричнине нет. Загадочным это явление становится только, если подходить к нему с предвзятым убеждением в наличии у Грозного социальной программы, а таковой у царя, как мы убедились, не было. Достаточно взглянуть в способ формирования опричного войска и направление основных его ударов, и смысл чудовищного нововведения будет совершенно ясен.

Прежде всего следует отрешиться от распространенного заблуждения, что, вводя опричнину, Грозный разделил страну. Ничего подобного, разумеется, не было, царь продолжал управлять всем государством, но его маневр обеспечил раскол в рядах Боярской думы, чинов «государева двора», приказной бюрократии и даже духовенства (в опричнину входили и некоторые монастыри). Царь получил возможность сформировать собственное частное войско, набор в которое происходил не по общепринятому сословному принципу, а по принципу личной преданности. Опричники, которых набралось до шести тысяч, давали присягу служить царю верой и правдой, «доносить на изменников, не дружить с земскими... не водить с ними хлеба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно государя». Бесчинства, грабежи и издевательства над земскими ставились опричникам в заслугу; чем более ненавидели земские опричников, которых звали «кромешниками», тем большее доверие испытывал к ним Грозный, которому нужна была сила способная на все и по-собачьи преданная ему лично. Не случайно знаком опричного «достоинства» была назначена притороченная к седлу собачья голова. Доказательства личной преданности требовались иногда самые чудовищные (передавали, что некто из опричных должен был резать родного отца). Но и этих скреп казалось Грозному недостаточно. Дополнительной гарантией верности государю должен был стать монашеский обет. Ближайшие три сотни опричников составили псевдомонашеское братство, где царь был игуменом.

Религиозная подоплека опричнины, как показывают последние исследования А.Л. Юрганова, заключалась в последовательном, хотя и рискованном с канонической точки зрения, доведении Иваном Грозным до логического конца идеи о царе как наместнике Божьем на земле. Еще Иосиф Волоцкий писал, что «царь убо естеством (т. е. телом) подобен есть всем человеком, а властию же подобен есть выш-

ням (т. е. Всевышнему) Богу». А значит, по разумению Ивана, царь, «яко Бог», имеет право на ярость наказания, может начинать Страшный суд «здесь и сейчас», казня грешников и милуя праведников. Так что в восприятии самого Грозного опричнина, скорее всего, была явлением и политическим, и религиозным. Разумеется, с точки зрения строго церковной — это чудовищное искажение самого существа Нового Завета. Именно об этом бесстрашно напоминал царю митрополит Филипп.

Первые опричные казни ставят исследователей в тупик, в списках жертв невозможно проследить какой-либо закономерности. Кроме того, невозможно себе вообразить, что все сложное заведение опричнины предпринималось ради казни в феврале 1565 г. пятерых бояр и ссылки в Казань десятка ростовских и ярославских княжат. По всей видимости, в течение года Грозный лишь острил опричный топор, и только когда орудие было вполне готово, употребил его по назначению. Основные «потоки», которые ясно просматриваются в кажущемся хаосе опричных казней, показывают совершенно недвусмысленно, для чего этот топор создавался.

Первой жертвой широкомасштабного и целенаправленного опричного террора стали члены Земского собора 1566 г. Собор был созван для подтверждения правительственного курса на продолжение войны в Ливонии и, соответственно, утверждения чрезвычайных налогов. На Соборе значительная группа участников потребовала отмены опричнины. Последовали казни и ссылки.

Следующий удар был нанесен по земской думе. 11 сентября 1568 г. были казнены конюший — председатель думы — И.П. Челяднин-Федоров, окольничие М.И. Кольчев и М.М. Лыков, боярин А.И. Катыв-Ростовский и с ними до 150 дворян, приказных людей. Мы никогда не узнаем, насколько основательны были выдвинутые против думцев обвинения в заговоре с целью смещения Ивана Грозного и замены его старицким князем Владимиром Андреевичем. Обвинение, скорее всего, было ложным, существенно, однако, что под этим предлогом уничтожался целый слой старинных советников московских государей, носителей традиции «вольных слуг», не готовых беспрекословно повиноваться любому княжескому распоряжению.

Оппозиция в думе была обезглавлена, ничто не мешало теперь Грозному расправиться со строптивыми церковными иерархами, также ставшими в оппозицию режиму. 9 мая 1566 г. митрополит Афанасий

сии демонстративно сложил с себя сан и удалился в Чудов монастырь, в знак протеста против опричнины. Грозный предложил занять кафедру казанскому архиепископу Герману, который даже переехал на митрополичий двор. Однако вскоре новый митрополит попытался склонить царя к отмене опричного режима «тихими и кроткими словами», и члены опричной думы настояли на немедленном изгнании Германа. В Москву был срочно вызван игумен Соловецкого монастыря Филипп (в миру Федор Степанович Колычев). Филипп принадлежал к знатному старомосковскому боярскому роду и по прибытии в Москву быстро сориентировался в положении дел. Он согласился занять кафедру, но при этом потребовал отмены опричнины. Царь был в ярости и хотел удалить Филиппа, не сделал он этого лишь из опасения окончательно испортить отношения с духовенством, которое и без того было до крайности раздражено. В конце концов церковному собору удалось уговорить соловецкого игумена, и 20 июля 1566 г. Филипп дал обязательство «не вступаться» в опричнину и царский «домовный обиход» при условии, чтобы он и впредь «советовал бы с царем и великим князем», и взошел на митрополию. Однако «советовать», не «вступаясь», было немислимо, и митрополит не исполнил бы своей должности в глазах паствы, если бы не попытался образумить государя. В марте 1568 г. митрополит посетил царя и долго беседовал с ним наедине. Убедившись в тщетности частных увещаний, митрополит выступил публично: 22 марта во время богослужения в Успенском соборе при большом стечении народа митрополит Филипп начал с государем «враждовати о опришнине». Митрополит несколько раз публично обличал царя. Опричники начали готовить над ним расправу. В Соловки была отправлена ревизионная комиссия, в результате митрополит был обвинен в «порочном поведении». Обвинение было до такой степени шито белыми нитками, что его отказался подписать единственный авторитетный член следственной комиссии епископ Пафнутий. Тем не менее 4 ноября 1568 г. импровизированный Земский собор Филиппа осудил и лишил его сана. Не зная о соборном решении или не желая подчиниться ему, 8 ноября Филипп произносит очередную проповедь против опричнины. Опричники во главе с Алексеем Басмановым ворвались в собор, сорвали с митрополита облачение и отправили его в заточение в Тверской Отроч монастырь, где через год во время похода на Новгород его лично задушил Малюта Скуратов.

Расправа над Филиппом означала гораздо больше, нежели просто устранение неугодного иерарха. Право «вступаться» и «советовать», за которое упорно держался митрополит, издревле принадлежало иерархам православной церкви на Руси. Одна из главных светских обязанностей митрополита заключалась в «печаловании» царю, указании власти на «неправедность» ее действий. Обычай, который в те времена был важнее писаного закона, запрещал князю не прислушиваться к митрополичьему «печалованию», которое таким образом служило важным инструментом политической адвокатуры и обратной связи великого князя с его подданными. Устранение Филиппа, сопровождавшееся почти полным «перебором» церковных иерархов, положило конец этой практике. Царь освободился еще от одного важного и эффективного механизма, ограничивавшего его произвол. С этого времени церковная организация на Руси стала приобретать характер служилого сословия, жестко контролировавшегося верховной властью. Смирение церкви покупалось отчасти и «пряником» — взятые в опричнину монастыри (московский — Симонов, ярославский — Спасский) получали существенные льготы и привилегии.

Наконец, последний и самый кровопролитный удар опричного террора был нанесен по городам Северо-Западной Руси. Формально карательный поход был предпринят на Новгород. Новгородцам было выдвинуто обвинение в «изменном деле», будто бы они хотели «Новгород и Псков отдать литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси хотели злым умышленьем извести, а на государство посадить князя Владимира Андреевича». Но в декабре 1569 г. по дороге на Новгород опричное войско устроило резню в Клину, Торжке, Твери и Вышнем Волочке, против которых никаких обвинений не выдвигалось вовсе. 2 января 1570 г. передовой опричный полк подошел к Новгороду и блокировал его, «учиниша великия сторожи и крепкия заставы... кабы ни един человек из града не убежал». 6 января в город въехал сам царь, и начался пятидневный погром и грабеж.

В советской исторической литературе, пытавшейся представить опричнину борьбой царя-централизатора с непокорным боярством, масштабы и значение новгородского погрома всячески преуменьшались. Считалось, что во время новгородского «похода» погибло около 3000 человек. Цифру эту следует увеличить на порядок. Новгородское предание и опричник из немцев Генрих Штаден также называют циф-

ру 2770 убитых, но только в первый день по приезде Грозного. Далее во время только одной акции «Малюта отдал 1490 человек ручным усечением, ис пищали отдалено 15 человек». По всей видимости, в Новгороде погибло от рук опричников до 40 000 человек. Город был обескровлен и разграблен. Опричный немец Штаден не без бахвальства отмечал в своих воспоминаниях: «Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ю, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра». Чтобы оценить по достоинству это известие, надо принять в расчет, что опричное войско, двинувшееся в декабре из Москвы на север, насчитывало 15 000 всадников, а Штаден не занимал в этом войске никаких руководящих постов.

Вслед за Новгородом погром был учинен опричниками в Нарве, Ивангороде и Пскове. Но во Пскове убийства продолжались недолго, прежде всего потому, что бить было уже некого: несколько сотен видных псковских горожан за несколько месяцев до того были выселены из города, отправлены на переселение и при встрече перебиты опричниками в Торжке и Твери. По возвращении летом 1570 г. на Чистых прудах в Москве царь устроил показательную казнь 120 «изменников», в их числе многих видных дьяков московских приказов. «Новгородский поход» Грозного навсегда подорвал силы тех «торговых мужиков», которые, вольно чувствуя себя в традиционно вечевых волостях, могли бы содействовать установлению в Московском государстве представительного правления по литовскому или английскому образцу. А образец этот им был хорошо известен. Первые торговые переговоры с Англией от имени Московского государства вели в 1556 г. именно «торговые мужики» — двинские «богатеи» Фофан Макаров и Михаил Косицын. Они же вместе с вологжанином Осипом Непеем отправились в Англию в качестве московских «гостей» — торгового посольства.

При таком взгляде на события опричнина оказывается не только совершенно осмысленным, но и в высшей степени эффективным институтом утверждения личной власти. Только привилегированный военизированный корпус, сформированный по принципу личной преданности вождю, мог обеспечить поворот от строительства сословно-представительной монархии к неограниченной диктатуре.

Для настоящей войны опричное войско не годилось. Летом 1571 г. оно не сумело преградить путь крымскому хану Девлет-Гирею, чьи войска прорвались к самой Москве и сожгли столицу. После

этого царь перестал доверять своему окружению — объединил земскую и опричную армии, казнил руководство опричнины (бояр М.Т. Черкасского, В.И. Темкина-Ростовского; еще раньше погибли основатели опричнины бояре отец и сын Басмановы и князь А.И. Вяземский) и многих рядовых опричников: «Того же лета царь православный многих своих детей боярских метал в Волхов-реку, с камением топил». После победы над татарами под Серпуховом в 1572 г. опричнина была официально отменена. Однако в 1575 г. царь вновь разделил свое государство на «земщину» и «двор». Деление на земскую и «дворовую» службу, на земские и «дворовые» уезды сохранялось до конца его царствования, хотя массовых репрессий больше не было.

Опричный поворот не представляется фатально неизбежным и неотвратимым. В Московском государстве было достаточно влиятельных социальных групп, способных повести страну по иному пути развития. Грозный не без основания опасался за свою безопасность. В 1566 г. он даже принялся строить гигантскую крепость в Вологде в качестве убежища на случай антиопричного восстания. А в первых числах сентября 1567 г. Грозный вызвал английского посланника Дженкинсона в опричный дворец, где приказал ему устно передать королеве «великие тайные дела». Поручения были столь необычны, что посланнику запретили делать какие-либо записи, но по приезде в Лондон он составил письменный отчет, из которого следовало, что царь просил королеву предоставить ему убежище в Англии «для сбережения себя и своей семьи».

Жестокими мерами царь подавил всякую оппозицию, но внутри- и внешнеполитическое положение страны стремительно ухудшалось. Эпидемия чумы и неурожай на рубеже 60—70-х гг. XVI в. привели к разорению многих крестьянских хозяйств и дворянских владений, чему способствовали и произвол при взимании налогов, и прямые грабежи опричников. Писцовые книги начала 80-х гг. говорят о том, что во многих уездах значительно сократилась пашня, а население вымерло или разбежалось.

Итоги опричной политики не исчерпываются списком жертв. Попытка царя насильственным образом изменить сложившуюся систему не укрепила, а, скорее, ослабила государство: репрессии и опричные преобразования подорвали единство армии и государственного аппарата, но зато резко усилили личную власть государя. Была проиграна

Ливонская война. Экономический кризис, сокращение налоговых поступлений и небоеспособность армии привели к тому, что при проведении по отдельным уездам новой переписи земель в начале 80-х гг. крестьянам было запрещено уходить из вотчин и поместий. Так с введением «заповедных лет» (отменой Юрьева дня) началось становление системы крепостного права, т. е. ликвидировались личные права крестьян в России.

Антиопричные силы оказались разрозненны и парализованы террором. Но это не означало, что они смирились с опричным поворотом навсегда. В начале XVII в. эти силы предпримут попытку взять реванш в ходе гражданской войны, скрывающейся в нашей исторической литературе под псевдонимом Смуты.

Подробнее на эту тему:

Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного, Л., 1988.

Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

Зимин А.А. Опричнина. М., 2001.

Кобрин В.Б. Иван Грозный. М, 1989.

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.) М, 1985.

Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.

Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд // Отечественная история. 1997. № 3. С. 52–75.